

УДК 81'42

Райскина Валерия Александровна
Московский городской педагогический университет
г. Москва, Российская Федерация
rayskinav@mail.ru

Средства лингвоаксиологической концептуализации *Другого* в рефлексивном дискурсе М. Монтеня

Аннотация

Цель исследования заключается в моделировании аксиологической системы субъекта рефлексивного дискурса в эссе «Essais» («Опыты») М. Монтеня. Методом лингвоаксиологического анализа средств репрезентации прецедентных личностей формируется концепт ДРУГОЙ (AUTRE). Актуальность изучения концептуализации Другого связана с интерпретацией бинама «Я – Другой» как основы когнитивной категории инаковости. Подтверждается положение о том, что ключевым параметром рефлексивного дискурса является аксиологичность, направленность на субъективацию и оценивание объекта рефлексии и на трансформацию порождаемого концепта. Исследование проведено на материале экземпляра, изданного в провинции Бордо в 1588 г., размещённого в компьютерном корпусе MonLOE (MONtaigne à L'Œuvre). В качестве единицы исследования принят минимальный текстовый фрагмент, включающий аксиологическую характеристику концепта ДРУГОЙ, в частности: однословные / двухсловные аппозитивные / атрибутивные / многословные номинации, микротексты. Выявлено, что концепт ДРУГОЙ строится на реконструкции и переоценке исторических прецедентных личностей с позиции профилирования субъективных мелиоративных, смешанных и пейоративных признаков. Высветить характеристику прецедентной личности позволили косвенные описательно-оценочные номинации, перифразы, многословные аксиологически маркированные номинации, вербальные портреты-микротексты. Анализ позволил восстановить андроцентричные ценности / антиценности М. Монтеня, представленные в структуре аксиологической системы автора в дихотомии VERTU / VICE.

Ключевые слова: рефлексивный дискурс, концептуализация, лингвоаксиология, концепт ДРУГОЙ, инаковость, ценностная константа, номинация

© Райскина В. А. 2024

Для цитирования: Райскина В. А. Средства лингвоаксиологической концептуализации *Другого* в рефлексивном дискурсе М. Монтеня // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 157–172.

Valeriya A. Rayskina
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
rayskinav@mail.ru

Means on linguistic axiological conceptualization of *Other* in the reflective discourse of M. Montaigne

Abstract

The study aims to model the axiological system of the reflexive discourse's subject in "Essais" ("Essays") by M. Montaigne. The concept of OTHER (AUTRE) is constructed using the linguistic axiological analysis of precedent personalities representation. The relevance of studying the conceptualization of Other is associated with the interpretation of the binomial "Me – Other" as a basic cognitive category of otherness. The study argues

that the key parameter of reflective discourse is its axiological value focusing on subjectivization and evaluation of the object and on the transformation of the concept. The edition published in Bordeaux Province in 1588 and uploaded in the MonLOE corpora (MONtaigne à L'Œuvre) was chosen as material for the study. Minimal text tokens including the axiological features of the concept OTHER were selected for the study. They were of various sizes: one-word / two-word appositive / attributive / multi-word nominations, microtexts. It was discovered that the concept of OTHER is based on the reconstruction and re-evaluation of historical precedent personalities from the position of profiling subjective ameliorative, mixed and pejorative features. Such linguistic axiological elements as indirect descriptive and evaluative nominations, periphrasis, axiologically marked nominations, and verbal portraits-microtexts highlighted the traits of a precedent personality. The analysis enabled to restore the androcentric values / anti-values of M. Montaigne presented in the structure of the author's axiological system in the dichotomy VERTU / VICE.

Keywords: reflective discourse, conceptualization, axiological linguistics, concept OTHER, otherness, value constant, nomination

© Rayskina V. A. 2024

For citation: Rayskina, V. A. (2024). Sredstva lingvoaksiologicheskoy kontseptualizatsii *Drugogo* v reflektivnom diskurse M. Montenya [Means on linguistic axiological conceptualization of Other in the reflective discourse of M. Montaigne]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 157–172.

1. Введение [Introduction]

Когнитивно-дискурсивная парадигма, в рамках которой проводится данное исследование, базируется на понимании речевой деятельности как неотъемлемой части деятельности познавательной, когда когнитивные установки человека говорящего / пишущего находят своё выражение в форме вербализованного результата рефлексии – порождённого текста [Сулейманова и др., 2020, с. 47].

Будучи исконно философским термином, рефлексия как объект описания появляется в Античности (Аристотель), затем в гносеологии Нового времени (Р. Декарт, Д. Локк, Гегель, Д. Дьюи) и, наконец, в отечественной философии (В. А. Лефевр, В. Г. Богин) (подробнее см. в [Лефевр, 2003]). Рассматривая термин в диахроническом измерении, можно представить эволюцию дефиниции следующим образом: мышление о мышлении > осознание и оценка собственной мысли > коммуникативный акт реализации опыта мышления. Таким образом профилируются ключевые конструкты рефлексивного дискурса: когнитивно-оценивающая деятельность, направленность на себя, субъективная доминация, процесс формирования мыслей и идей. Выделяется рефлексивный акт, определяемый как «остановка сознания, необходимая для осознания, мыслеречевой обработки информации» [Морозкина, 2014, с. 97], «акт творения смысла [...] путь к пониманию (о-сознанию)» [Бредихин, 2014, с. 83]. Феномен рефлексивного дискурса подробно описан в современных исследованиях, посвящённых вопросам взаимосвязи рефлексии и обучения [Морозкина, Врыганова, 2017, с. 89; Морозкина и др., 2019, с. 112]: авторы выявляют внутренний диалог / монолог, в результате которого порождается внутренний собеседник, целью которого является понимание и интерпретация внешних и внутренних стимулов.

Жанроведы выделяют такие философские рефлексивные жанры, как афоризм, исповедь, диалог, апология, трактат и эссе [Ефимова, 2017], рассматривают рефлексивность как специфическую для жанра эссе гносеологическую задачу, направленную на передачу рефлексивно оцененного автором личностного опыта [Бузальская, 2015, с. 77]. Когнитивной базой концептуализации информации в эссе может являться определённый объект действительности, фрейм-ситуация и сценарий [Бузальская, 2016, с. 23–24]. Так,

в «Опытах» (=«Essais») М. Монтеня представлены рефлектируемые объекты (*лень, ложь*), фреймы (*как вести переговоры с врагом*) и сценарии или точки зрения (*важность познания себя в данный момент*). На эту структурную потребность рефлексивного жанра эссе указывает типичная для Монтеня концептуализирующая модель заголовка «о чём-то» [Дмитровский, 2013, с. 47–48]: I, 2 *De la tristesse* (объект – концепты ГРУСТЬ, СКОРБЬ); I, 41 *De ne communiquer sa gloire* (фрейм – люди хвастаются чужими заслугами); I, 11 *Des prognostications* (сценарий – осуждение предсказаний и прогнозирования).

В рамках лингвистического анализа исследователями выдвигаются характерные маркеры рефлексивного дискурса [Канафьева, 2020, с. 138–139; Бредихин, 2014, с. 81]:

- языковые единицы, выражающие индивидуальное познание и конструируемые на базе глаголов мыслительной деятельности в форме первого лица единственного числа;
- рекуррентность заметок, комментариев, аргументативно-интерпретативных и интертекстуальных структур;
- рефлексивные и рефлексивно-оценочные риторические высказывания;
- частотное использование элементов «философского смысла», индивидуально-авторские афоризмы.

В современных зарубежных исследованиях рефлексивный дискурс (*reflective / reflexive discourse*) изучается, в первую очередь, в рамках теории обучения. Педагогическое осмысление феномена рефлексии включает её в ряд эпистемологических условий познания наряду с теоретической компетенцией (*theoretical awareness*) [Franke, 2015, p. 3], текстуализацией результата самоанализа (*self-reflective narratives*) [Ferruci, DeRosa, 2019, p. 202], процессом совместной рефлексии учителя и обучающегося, интеракции знаний и навыков (*cognitive scaffolding*) [Savarese, 2019, p. 141], развитием социокогнитивного потенциала и способности к интеракции (*la pratique réflexive*) [Collin, Karsenti, 2011].

Спорадические исследования в рамках теории литературы основываются на сопоставлении рефлексии и иных жанровых черт, например персуазивности (*persuasive discourse, expressive forms*). Лингвистический анализ рефлексивного дискурса представлен в рамках теории международной коммуникации [Brent, 2007] как форма прагматически ориентированного коммуникативного акта. Разрабатывается актуальная методология рефлексивного дискурс-анализа (*reflexive review*) [Alejandro, 2021, p. 151], которая предполагает анализ моделей употребления лексем, имеющих приоритетное значение (“*priority words*” that may need reflexive attention). Данный метод анализа рефлексивной составляющей дискурса ставит целью выявление наиболее осознанных, этичных и адекватных вариантов вербализации мысли.

Р е ф л е к с и в н ы й д и с к у р с, рассматриваемый в рамках когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигмы, следует кратко определить как речевой акт, необходимый для реализации когнитивной деятельности, в которой рефлексивное Я выступает субъектом, порождающим текст. Иными словами, это вербальный (текстовый) результат длительной когнитивной деятельности субъекта речи в совокупности с экстралингвистическими условиями построения культурного универсума и аксиологической системы субъекта. В рамках рефлексивного дискурса субъект высказывания неизбежно становится рефлексирующим субъектом, так как выражает собственные оценки и точки зрения и затрагивает наиболее значимые для себя смыслы. Вбирая в себя черты автобиографического текста, рефлексивный дискурс ориентирует адресата в универсуме собственных ценностей [Дубнякова, Кашина, 2017, с. 47]. Прагматический план рефлексивного дискурса состоит из следующих ф у н к ц и й: самооценивание, генерация, субъективная трансформация, медиация и оценивание идей, под которыми понимается результат когнитивной деятельности, смысловой конструктор.

Таким образом, ц е л ь исследования состоит в выявлении аксиологической системы субъекта рефлексивного дискурса в отношении фигуры Другого на основе ком-

плексного лингвоаксиологического анализа средств языковой и оценочной репрезентации прецедентных личностей.

Являющийся объектом настоящего исследования концепт ДРУГОЙ (AUTRE) представляет собой собирательный когнитивный антропологический феномен, включающий комплекс индивидуально-авторских репрезентаций и оценок о прецедентных личностях, представленных в рассматриваемом дискурсе. Данный концепт вбирает в себя смыслы, различимые на дискурсивно-когнитивном, социально-психологическом и философском уровнях. Прецедентность на антропологическом уровне характеризует широко известные имена, являющиеся денотатом определённой ситуации / эпохи / ценности [Afanasjeva et al, 2020, p. 1099]. Актуальность обращения к средствам концептуализации Другого обосновывается высокой потребностью в поиске путей интерпретации бинаома «Я – Другой» как основы категории инаковости в сознании человека говорящего (пишущего). Объяснительный потенциал аксиологического вектора исследования связан с «обращением к ценностному измерению языка», в частности, в ракурсе концептуализации значимых для человека и социума феноменов [Викулова и др., 2020, с. 31].

Научный обзор в рамках теории языка, литературы и философии показал интерес исследователей к отдельным прецедентным личностям, представленным в монтеневском рефлексивном дискурсе. Так, анализ репрезентации фигуры Этьена де Ла Бюэси, друга и коллеги Монтеня, направлен на сопоставление концептуального содержания и стилистического своеобразия произведений двух авторов-современников [Desan, 2017; Kong, 2010; Lefèvre, 2006; Panichi, 2012]. Исследования образа Сократа в «Опытах» Монтеня подчёркивают онтологическую близость авторов, общие основания скептической философии [Gagnebin, 2009, p. 239; Filho, 2002, p. 834]. Единичные зарубежные исследования посвящены особенностям репрезентации фигур и интертекстуальности на примере Сенеки [Green, Wood, 2020], Ювенала [Herdman, 2016], Цицерона [MacPhail, 2021]. Подчёркнём, таким образом, новизну комплексного исследования концептуализации Другого в рефлексивном дискурсе М. Монтеня, основанного не столько на анализе отдельных субъектных прецедентов, сколько на расширении понимания Другого как конструкта категории инаковости.

В связи с этим, согласно гипотезе настоящего исследования, ключевым параметром порождения рефлексивного дискурса является аксиологичность, направленная на субъективацию и оценивание объекта рефлексии и на трансформацию порождаемого концепта. Рефлексивный дискурс, представленный в среднефранцузском труде французского философа-гуманиста Мишеля Монтеня «Опыты», отличается лингвоаксиологическая инновационная центричность, создающая условия для конструирования и иррадиации создаваемого дискурсивного мира. Диалектика «Я > не-Я > Другой» является путём конструирования персональной идентичности субъекта дискурса.

2. Материал и методика исследования [Material and methods]

Исследование языковых средств формального (энциклопедийского) и аксиологического позиционирования Другого в рефлексивном дискурсе Мишеля Монтеня проведено на материале поликодового корпуса MonLOE (MONtaigne à L'Œuvre / Montaigne at work), который представляет собой автоматическую базу поиска и анализа текстов, документов и иных информационных продуктов, связанных с Мишелем Монтенем. Формат кодировки XML-TEI и аналитические возможности корпуса позволяют проводить отбор языковых элементов разного порядка (словоформы, лексемы, коллокации, контексты) на базе археологического аутентичного издания «Essais», опубликованного в провинции Бордо в 1588 г. Данный документ уникален тем, что в этом прижизненном издании сохранены исправления, уточнения и дополнения, внесённые автором собственноручно в опубликованном произведении.

Обоснованность выбора исследовательского материала обусловлена лингвоаксиологической и антропоцентрической доминантностью рефлексивного дискурса М. Монтеня. Попеременно чередуя автодиалог и диалог с Другим, Монтень стремится познать сущность человеческой природы: мнения, убеждения, чувства; при этом в образе коллективного Другого представлены как деятели древности, так и современники автора [Le Dictionnaire..., 2011, p. 12]. Прагматике фигуры Другого в «Essais» посвящена глава «De Trois Commerces» (III, 3), в которой одним из трёх ключевых для Монтеня видов общения представлено общение с книгами (*cehuy des livres*), позволяющее «заимствовать у других то, что не умею выразить столь же хорошо» [Моруа, 1983, с. 31–32]. Таким образом реализуется принцип активизации прошлого опыта, характерный для построения рефлексивного дискурса. В «Essais» ставится новаторская для Франции XVI в. прагматическая установка выразить антропологическую мысль автора путем познания Другого через познание собственного Я и создания книги самонаблюдения (*livre d'introspection*) [Publictionnaire ...]. В этом просматриваются элементы так называемой автобиографической памяти (*autobiographical memory*) автора, отражение авторской мнемической системы [Тивуаева, 2022, p. 182]. Вольтер одним из первых подчеркнул антропоцентрическую направленность монтеневской рефлексии: «Le charmant projet que Montaigne a eu de se peindre naïvement, comme il a fait ! car il a peint la nature humaine» – 'Восхитительная идея Монтеня – наивно зарисовать самого себя! ибо он нарисовал человеческую природу' [Voltaire, 1879, p. 49].

Основным исследовательским методом является лингвоаксиологический анализ, позволяющий описать средства репрезентации концепта ДРУГОЙ. В качестве единицы исследования принят минимальный текстовый фрагмент, включающий субъективную аксиологическую характеристику концепта ДРУГОЙ и его составляющих. Выявление ценностных констант, определяющих образ человека в ренессансной картине мира, отвечает актуальной аксиологической парадигме: в анализируемом дискурсе демонстрируются как субъективные, так и универсальные культурные ценностные приоритеты в отношении Другого.

Эмпирическая база исследования включает подборку из языковых единиц (около 10 тыс. лексем), используемых для описания 735 персоналий в тексте «Essais» Exemplaire de Bordeaux 1588 г., представленном в корпусе MonLOE [MONLOE], в частности:

- однословные номинации;
- двухсловные номинации аппозитивного типа;
- двухсловные номинации атрибутивного типа;
- многословные номинации;
- микротексты, включающие субъективную аксиологическую характеристику концепта ДРУГОЙ.

Выбор данных единиц исследования связан с задачей проследить индивидуально-оценочные тенденции посредством анализа языковых единиц с аксиологическим потенциалом, использованных для вербального портретирования персоналий и концептуализации образа Другого.

3. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Сопоставительный анализ синтаксических типов языковых единиц, используемых для репрезентации концепта ДРУГОЙ, показал следующую статистику частотности структур разных синтаксических уровней (табл. 1).

В числе однословных номинаций представлены имена собственные [Np], состоящие из одной лексемы и не сопровождаемые пояснениями и уточнениями автора. В данной группе репрезентативны номинации древнегреческих и классических римских исторических прецедентных личностей, которые составляют опору построения

монтеневской рефлексии. Представляется возможным привести наиболее типичные для монтеневского дискурса персоналии в порядке понижения частотности в границах 198–50 употреблений: *Platon* > *Socrates* > *Caesar* > *Plutarque* > *Aristote* > *Cicero* > *Alexandre* > *Senegue*. Можно заключить, что данные личности характеризуются яркой прецедентностью не только в рамках рефлексивного дискурса Монтеня, но и в рамках общекультурного ренессансного универсума, нацеленного на реконструкцию и переоценку базовых элементов Античности. В ряду однословных номинаций также выявлена косвенная типичная структура *dict un ancien* 'говорит один древний', употребляемая в отношении таких авторов, как Корнелий Непот, Сенека, Плутарх и др. Частотное употребление косвенных номинаций является Специфической чертой монтеневского дискурса, что можно связать со стремлением автора сконструировать особое когнитивное пространство, в котором стимулируется читательская рефлексия.

Т а б л и ц а 1. Частотность употребления языковых единиц разных синтаксических типов
[Table 1. Frequency of linguistic units of different syntactic types]

Тип языковой ед.	Описание языковой ед.	Кол-во ед.	Частотность
однословные номинации	одно значимое слово: [N]	303	33%
двухсловные аппозитивные номинации	именное словосочетание, состоящее из двух равнозначных имен: [N1+N2]	220	24%
двухсловные атрибутивные номинации	именное словосочетание, состоящие из означаемого и означающего: [N+A]; [A+N]	21	2%
многословные номинации	вариативные синтаксические структуры с тремя и более значимыми лексемами, делимитированные границей предложения	266	28%
микротексты	минимальные текстовые фрагменты, состоящие из нескольких коммуникативных синтаксических единиц	123	13%

Четверть языковых единиц, используемых для вербализации концепта ДРУГОЙ, составляют двухсловные номинации аппозитивного типа [N1+N2], где

- N1 – титул; N2 = Np:

Cardinal du Bellay

Roy François premier

Empereur Charles cinquiesme

- N1 – титул; N2 – топоним:

Seneschal d'Agenois

Duc d'Albe

prince de Galles

- N1= Np; N2 – род деятельности:

Aristophanes le grammairien

Pasiclez le philosophe

Hermodorus, le poete

Protogenes le peintre

Suetone historien

- N1= Np; N2 – национальная принадлежность:

Aretheus, Corinthien

Archias, Athenien

Charixenus, Sycionien

- N1 – степень родства; N2=Np (мужчина-родственник):

la fille de Caesar

La femme de Socrates

Наиболее малочисленную группу составляют двухсловные номинации атрибутивного типа, которые представляют собой субъективные, индивидуально-оценочные суждения в отношении персоналий – элементов концепта ДРУГОЙ. Это связано с ярким проявлением энциклопедийной доминанции в рефлексивном дискурсе М. Монтеня. Прагматическая ориентация автора связана со своеобразием изданного рефлексивного дискурсивного жанра эссе, в котором авторские интенции направлены на репрезентацию и сопоставление прецедентных личностей и феноменов различных эпох. Наиболее типичной оценочной структурой монтеневского дискурса является [A+N], где в качестве атрибута используется обобщённая мелиоративная характеристика *grand* 'великий'. Корпусный анализ коллокаций показал наибольшую частотность сочетаемости данной характеристики с персоналиями Александра Македонского (*grand Alexandre* – 27 вхождений) и Юлия Цезаря (*grand Caesar* – 20).

Среди немногочисленных атрибутивных номинаций следует выделить доминантные оценки персоналий:

- бедный, жалкий, несчастный: *le pauvre Bebius, ce pauvre Caestius, le miserable Phaeton*;

- добрый, славный: *le bon Froissard, le bon Lucanus*;

- мудрый: *sage Epimenides, le sage Dandamys*;

- красивый (только для женских персоналий): *la belle Perictione*.

В числе атрибутивных структур также представлены косвенные описательно-оценочные номинации, не содержащие прямой ссылки на персоналию: *un homme payen – Plutarque; grand theologien – Varro; moqueur ancien – Pline*.

Многословные номинации являются структурой, позволяющей в наибольшей степени выразить оценочное отношение субъекта, т. е. автора текста, к объекту оценивания. Так как синтаксические структуры в рамках данного типа отличаются вариативностью, представляется более интересным выделить ключевые параметры концептуализации образа Другого. В числе косвенных апелляций-аллюзий представлены оценочные номинации, которые призваны высветить определённую мелиоративную характеристику исторической личности:

- *le plus deffiant de nos Roys* 'наиболее недоверчивый из наших королей' – Людовик XI Благоразумный, король Франции с 1461 г.;

- *le plus sage homme qui fut onques* 'мудрейший из людей' – Сократ, древнегреческий философ;

- *un des plus grands Princes de nostre siecle* 'один из величайших правителей нашего времени' – Стефан Баторий, король Польши с 1575 г.

- *un grand et triumphant Empereur* 'великий и победоносный император' – Сулла, древнеримский диктатор;

- *un prince mesnager et prudent* 'бережливый и честный правитель' – Филипп II Август, король Франции с 1180 г.;

- *le plus effeminé homme du monde* 'самый женоподобный, изнеженный человек на свете' – Элагабал, римский император с 218 г.;

- *un grand personnage, droicturier et courageux, non d'une vertu superstitieuse, mais philosophique et genereuse* 'великий человек, благородный и смелый, обладающий разумом, свободным от суеверия, но мудрым и щедрым' – Тацит, древнегреческий философ.

Отметим в отношении последнего, что в структуре значения *philosophique* активизируется коннотативный компонент, подчёркивающий аксиологический потенциал данной номинации. Характеристика *philosophique* синонимична лексемам *intellectuel, moral, témoignant de la sérénité, de la raison, de la sagesse, de l'équilibre, de la simplicité, du détachement* [CNRTL].

Косвенные номинации содержат перифразы, которые представляют собой устоявшиеся в европейской лингвокультуре символические номинации исторических деятелей:

- *Heraclytus sur-nommé schoteinos* – 'Гераклит по прозвищу skoteinoβ, т. е. тёмный, мрачный';

- *Caesar spondam Regis Nicomedis* – 'Цезарь, прозванный ложем царя Никомеда'.

Вместе с этим, представлены и конструируемые автором перифразы, которые позволяют Монтеню присвоить историческим личностям новые «говорящие» псевдонимы:

- *le pere de l'eloquence Romaine* – 'отец римского красноречия' – Цицерон, древнеримский философ;

- *des yeux celui qui se les creva* – 'тот, кто сам себе выколол глаза' – Демокрит, древнегреческий философ;

- *un qui aymeroit bien mieux estre battu que de dormir pendant qu'on se battoit pour luy, qui ne vid jamais sans jalousie ses gents mesmes faire quelque chose de grand en son absence* – 'тот, кто предпочёл бы быть избитым, чем спать, пока за него бьются другие, и кто не может без зависти смотреть на своих подчинённых, когда они совершают в его отсутствие что-либо выдающееся' – Генрих IV Наваррский, король Франции с 1589 г.

Многословные номинации, содержащие компонент [Np], напрямую отсылают к описываемой Монтенем исторической личности и содержат яркие аксиологически окрашенные языковые средства, позволяющие автору сконструировать оценочную сторону комплексного концепта ДРУГОЙ. Абсолютное большинство таких оценочных номинаций было построено на базе одного или нескольких мелиоративных компонентов.

- *Theophraste, philosophe si delicat, si modeste, si sage* – 'Феофраст, философ весьма тонкий, скромный и мудрый';

- *Aesope, auteur de tres-rare excellence et duquel peu de gens descouvrent toutes les grâces* – 'Эзоп, писатель редчайшего превосходства, всё мастерство которого способны оценить немногие';

- *Justus Lipsius, le plus sçavant homme qui nous reste, d'un esprit tres-poly et judicieux* – 'Юст Липсий, самый учёный, человек острого ума и мудрый';

- *Varro, le plus subtil et le plus sçavant auteur Latin* – 'Варрон, самый тонкий и самый учёный латинский автор';

- *le premier homme de la premiere eschole philosophique et surintendante des autres, ce grand Zenon* – 'первый философ первой философской школы, главенствующей над другими, великий Зенон;

- *le plus sçavant, le plus seur et mieux advenant à mener un cheval à raison que j'aye connu, le sieur de Carnevalet* – 'самый знающий, уверенный в своих силах и ловкий в обращении с лошастью на мой взгляд, господин де Карневале'.

Таким образом, среди человеческих черт, характеризующих Монтенем как положительные андроцентричные ценности, представлены следующие аксиологические элементы: мудрость, величие, честность, благородство, смелость, умеренность. В то же время оценочный компонент концепта ДРУГОЙ содержит и негативно окрашенные элементы, в частности указание на поведенческие характеристики, который Монтень оценивает как недобродетельные и недостойные. К ним относятся, например, лукавство, коварство, невежество, сладострастие и прелюбодеяние:

- *Francisque Taverna, ambassadeur de François Sforce, Duc de Milan, homme tres-fameux en science de parlerie* – 'Франческо Таверна, посол миланского герцога Франческо Сфорце, человек, известный своим талантом заговаривать зубы';

- *Valentian, ennemy declaré de la science et des lettres* – 'Валентиан, открытый противник науки и образования';

• *Ladislaus, Roy de Naples, est remarquable, que, bon capitaine, courageux et ambitieux, il se proposoit pour fin principale de son ambition l'execution de sa volupté et jouissance de quelque rare beauté* – 'Владислав, король неаполитанский, запомнившийся тем, что, будучи хорошим полководцем, смелым и честолюбивым, он стремился, в первую очередь, утолить своё сластолюбие и овладеть какой-нибудь редкой красавицей'.

Монтеневский гуманизм и глубинный интерес к пониманию человеческой природы проявляется в том, что в конструировании понятийной составляющей концепта ДРУГОЙ наряду с прославленными деятелями истории и культуры фигурируют реальные люди, современники и знакомые автора. Так, в один ряд с философами древности Монтень включает в образ Другого репрезентацию людей своего круга: отца, семейного аптекаря, служанку жены и т. д.:

• *Mon pere, homme, pour n'estre aydé que de l'experience et du naturel, d'un jugement bien net* – 'Мой отец, человек, руководствовавшийся собственным опытом, природным естеством и ясным умом'.

Наконец, наиболее сложной с точки зрения синтаксической структуры единицей концептуализации образа Другого является микротекст, содержащий комплексное описание персоналии, наполненное аксиологическими элементами. В числе микротекстовых аксиологических репрезентаций персоналии следует выделить положительные, отрицательные и сопоставительные формы конструирования концепта ДРУГОЙ.

Мелиоративные оценочные конструкции наиболее часто используются в описании Гая Юлия Цезаря – модельной личности для Монтеня. Хвалебный и патетический вербальный портрет Цезаря включает такие абсолютные антропоцентрические ценности, как величие, совершенство, превосходство, несравненность:

• *tant il a de perfection et d'excellence par dessus tous les autres, quoy que Saluste soit du nombre. Certes, je lis cet auteur avec un peu plus de reverence et de respect qu'on ne list les humains ouvrages: tantost le considérant luy mesme par ses actions et le miracle de sa grandeur, tantost la pureté et inimitable polissage de son langage qui a surpassé non seulement tous les Historiens, comme dit Cicero, mais à l'aventure Cicero mesme* – 'Он превосходит всех других авторов своим совершенством и безупречностью, хотя Саллюстий относится к тому же числу. Я читаю Цезаря с большим почитанием, чем читаются человеческие произведения; порой вижу сквозь его действия его самого и тайну его величия; порой восхищаюсь чистотой и неподражаемой лёгкостью его речи, которыми он превосходит не только всех историков, как признаёт Цицерон, но и самого Цицерона'.

Конструирование положительного образа Другого строится, в частности, на валоризации персоналий с позиции их творчества: прослеживается метонимическая связь «автор – произведение». Контент-анализ микротекстов показал, что ключевыми параметрами положительной оценки являются:

- личность автора, его суждения и мнения (sa valeur propre, verité de ses opinions et jugemens);
- стиль, красота и изящество текста (la mignardise et les graces du langage, beauté et grace nouvelle, perpetuelle douceur et beauté fleurissante);
- повествовательный сюжет (la douceur du subject, mouvemens de l'ame et condition de nos meurs);
- удовольствие от чтения (plaisir).

В анализируемом рефлексивном дискурсе представлена градация по степени оценки персоналии от смешанной до крайне положительной, хвалебной (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. **Примеры восходящей градации по степени оценки**
 [Table 2. **Examples of ascending gradations by the degree of evaluation**]

Смешанная оценка	Нейтрально-положительная оценка	Положительная оценка	Хвалебная оценка
Теренций	Бокаччо, Рабле, Иоанн Секунд	Катулл	Гораций
les perfections et beautez de sa façon de dire <i>nous font perdre l'appetit</i> de son subject; sa gentillesse et sa mignardise <i>nous retiennent par tout</i> ; il est par tout si plaisant	Entre <i>les livres simplement plaisans</i> , je trouve, des modernes, le Decameron de Boccace, Rabelays et les Baisers de Jean second, s'il les faut loger sous ce tiltre, dignes qu'on s'y amuse	cette <i>perpetuelle douceur et beauté fleurissante</i> des Epigrammes de Catulle	ce personnage admirable, <i>quasi au dessus de l'humaine condition</i> . Et, à la verité, je m'estonne souvent que luy, ..., <i>n'a gaigné reng de Dieu luy mesme</i>

Конструированию собирательного модельного образа Другого отведена глава XIX книги II «De la Liberté de Conscience», посвящённая исторической личности императора Юлиана Отступника (Flavius Claudius Iulianus, римский император с 361 г.). Данную персоналию можно оценить как относительно малоизвестную на фоне других прецедентных личностей, широко представленных в рассматриваемом дискурсе. Несмотря на это Монтень выбирает его для конструирования собирательного образа модельной личности. Микротекст, посвящённый моральному портрету Юлиана, изобилует мелиоративными хвалебными элементами:

- *il n'est aucune sorte de vertu dequoy il n'ait laissé de tres-notables exemples* – 'нет такой добродетели, которой он бы не проявил';

- *un tres-grand homme et rare, comme celui qui avoit son ame vivement tainte des discours de la philosophie* – 'великий и редкостный человек, хранивший в своей душе наставления философии'.

Вербальный портрет Юлиана используется Монтенем для высвечивания абсолютных антропологических ценностей, составляющих аксиосистему автора. В итоге ценностная сторона концепта ДРУГОЙ пополняется следующими положительно окрашенными элементами: *vertu* 'добродетель', *chasteté* 'целомудрие', *justice* 'правосудие', *sobriété* 'умеренность', *mespris en quoy il avoit sa vie et les choses humaines* 'презрение к жизни и к земным делам'.

Отметим, что на уровне микротекстов не представлено абсолютно негативных валоризаций. Бесспорна тенденция идеализации описываемых в рефлексивном дискурсе персоналий. Автор использует исключительно смешанные оценки с преобладающими пейоративными компонентами, но обязательно содержащие и положительно окрашенные средства концептуализации. Данный приём позволяет «оттенить» критически оцениваемые характеристики персоналий указанием на их неопровержимые достоинства. Так, вербальной портрет Цицерона построен на оппозиции следующих антонимичных качеств:

- *la science* (учённость) / *faute de jugement* (недостаток ума)
- *jamaïs homme ne l'egalera* (непревзойденность) / *pas beaucoup d'excellence en son ame* (заурядность)

- *la gloire de son nom* (слава) / *grande imperfection* (несовершенство)

Основные негативные характеристики, включённые в анализируемые микротексты, относятся к следующим отрицательным аксиологическим составляющим концепта ДРУГОЙ:

- заурядность и простота (*il n'y avoit pas beaucoup d'excellence en son ame*);
- вялость и слабость (*il en devient lasche, mollesse*);
- грубость, злословие (*tous les esguillons dequoy martial esguise la queue des siens, les hommes gosseurs*);
- пустословие (*parler bouffie et bouillonnée de pointes, ingenieuses à la verité*).

Конструируя отрицательную оценку персоналий, Монтень использует приём инверсии объекта и субъекта оценки, создавая, тем самым, имплицитную оценку. Автор использует пейоративные аксиологические элементы в собственной характеристике, снижая критичность образа Другого:

• *cette vieille ame poissante ne se laisse plus chatouiller, non seulement à l'Arioste, mais encores au bon Ovide: sa facilité et ses inventions, qui m'ont ravy autresfois, à peine m'entretiennent elles à cette heure* – 'Моя состарившаяся и отяжелевшая душа потеряла чувствительность, и не только к Ариосто, но и к славному Овидию: его простота и избобретательность, ранее восторгавшие меня, едва ли привлекают меня сейчас'.

Пейоративная оценка содержит элементы эвфемизации, необходимые автору для выражения отрицательного и критического мнения в отношении великих людей прошлого. В частности, в рассматриваемом дискурсе представлено несколько микротекстов, посвящённых критической оценке персоналии Платона, который являлся эталонной модельной личностью в эпоху Ренессанса. Однако субъективно-оценочная прагматика текста позволяет автору подвергнуть критическому переосмыслению фигуру Платона:

• *La licence du temps m'excusera elle de cette sacrilege audace, d'estimer aussi trainans les dialogismes de Platon mesmes et estouffans par trop sa matiere... Mon ignorance m'excusera mieux, sur ce que je ne voy rien en la beauté de son langage* – 'Оправдает ли меня особенность нашего времени в моём дерзновенном богохульстве, если я позволю сказать, что нахожу диалоги самого Платона тягучими, однообразными и задушенными излишним изложением... Моё невежество извинит меня в том, что я вижу ничего особенного в красоте его слога'.

Наибольший корпус микротекстов относится к сопоставительному типу валоризации. Объединяя и сравнивая персоналии разных эпох и культур, Монтень расширяет пространственно-временные границы, встраивая в концепт ДРУГОЙ элементы, контрастирующие черты одних личностей на фоне других.

Типичным вводным элементом сопоставительных оценочных микротекстов является бинарная структура [Np1 + Np2] – [N + (A) + (...)], представляющая собой дефиницию, общую для нескольких объектов, которая может включать оценочный компонент:

- Octavius et Caton, *deux grands personnages*;
- Olivier et l'Hospital *gens suffisans, et de vertu non commune*;
- le Paluel ou Pompée, *ces beaux danseurs de mon temps*;
- Chrysippus et Diogenes ont esté *les premiers auteurs et les plus fermes du mespris de la gloire*;
- Plutarque et Seneque *la cresse de la philosophie*;
- grand Pompeius et d'Alexandre *deux miracles en l'art militaire*.

Сопоставительные оценочные микротексты содержат компаративные языковые единицы, позволяющие автору выделить черты личности, субъективно оцениваемые Монтенем, как более ценные:

• Plutarque est *plus uniforme et constant*; Seneque, *plus ondoyant et divers* – 'Плутарх более единообразен и постоянен, Сенека более гибок и разнообразен'.

Концепт ДРУГОЙ включает также устойчивые бинарные элементы, так как в анализируемом дискурсе выявлены две типичные сопоставительные пары персоналий: *Alexandre / Caesar u Plutarque / Seneque*. Этот тезис подтверждается данными корпусного анализа по коллокациям, который показал частотность пар в общем контексте – 12 и 10 соответственно. В сопоставительных микротекстах, посвящённых фигурам древнегреческих философов Сенеки и Плутарха, Монтень стремится обозначить дифференциальные, часто антонимичные черты персоналий, одновременно подчёркивая безоговорочно положительную оценку обоих. Таким образом, объектом оценивания становится противопоставленность моральных и творческих характеристик личностей:

• Cettuy-cy *se peine, se roidit et se tend* pour armer la vertu contre la foiblesse, la crainte et les vitiens appetis; l'autre semble *n'estimer pas tant leur effort, et desdaigner d'en haster son pas et se mettre sur sa targue*. ... Plutarque est libre par tout. Seneque est plein *de pointes et saillies*; Plutarque, *de choses*. Celuy-là vous *eschauffe plus*, et vous *esmeut*; cettuy-cy vous *contente davantage* et vous *paye mieux*. Il nous *guide*, l'autre nous *pousse* – '[Сенека] старается, упорствует и стремится настроить добродетель против слабости, страха и порочных желаний, [Плутарх] не придаёт этому столько значения, презирает торопливость и воинственность. ... Плутарх во всём свободен. Сенека полон живости и остроумия, Плутарх – содержания. Сенека больше возбуждает и волнует, Плутарх вас больше удовлетворяет. Плутарх ведёт за собой, Сенека толкает впереди себя'.

Рассматриваемое противопоставление позволяет Монтеню выстроить собственную аксиосистему в отношении онтологических, моральных и творческих ценностей личности. Авторская система ценностных координат включает следующие оппозиции: упорство / умеренность, форма / содержание, чувственность / рациональность, эмоциональность / хладнокровие. При этом все представленные элементы аксиологических диад рассматриваются Монтенем как положительные.

Иная прагматическая направленность отмечается в микротекстах сопоставительного типа, посвящённых валоризации полководцев Александра Македонского и Гая Юлия Цезаря. Автор противопоставляет данных исторических деятелей с целью выявления скорее нейтральных и отрицательных характеристик для дальнейшего построения системы ценностей в отношении идеального правителя и полководца. Таким образом, в структуре портрета маскулинной модельной личности появляется пейоративный аксиологический элемент: вспыльчивость и невоздержанность (*d'une temperature plus sanguine, colere, ardent*). Вместе с этим, положительную коннотацию получают характеристики, которые по мнению Монтеня присущи великим людям: удача (*la fortune, l'adventure*) и дерзкая смелость (*rechercher et courir à force les dangiers, comme un impetueux torrent qui choque et attaque sans discretion et sans chois tout ce qu'il rencontre*).

Структуры валоризации включают мелиоративные языковые элементы, которые являются объединяющими для нескольких объектов. Таким образом Монтень объединяет несколько персоналий под генерализирующим оценочным признаком:

- превосходство и выдающиеся качества: *excellens au dessus de tous les autres* (Гомер, Аристотель и Варрон);
- стремление прославиться совершенными деяниями: *recommander non leur dire, mais leur faire* (Ксенофонт и Цезарь);
- вклад в культуру (поэзию): *ont donné credit à nostre poésie Françoise* (Понсар и Дю Белле).

4. Заключение [Conclusion]

Философская рефлексия Мишеля Монтеня строится на медитации проблемы личности и её перцепции с позиции понимания инаковости субъекта и объекта дискурса. Открывается новая для человека эпохи Ренессанса перспектива постижения личности, связанная с формированием антропоцентрической картины мира. В содержании концепта ДРУГОЙ наблюдается смещение с метафизических и онтологических элементов на ценностные, аксиологические. Данный сдвиг очевиден при рассмотрении «Опытов» как примера рефлексивного дискурса, прагматической ориентацией которого является конструирование, осмысление и оценивание авторского опыта, в первую очередь опыта коммуникативного, связанного с биномом «Я – Другой».

Моделирование аксиологической системы автора включает анализ концептуализации фигуры Другого как основания категории инаковости. Данный подход позволил выйти за рамки существующих исследований, направленных на рассмотрение отдельных

особенностей репрезентации определённых прецедентных личностей, и представить комплекс представлений и оценок, конструирующих концепт ДРУГОЙ в рефлексивном дискурсе М. Монтеня.

В частности, лингвоаксиологический анализ позволил выявить ряд ценностных констант, определяющих образ Другого. Треть исследуемых языковых единиц относится к однословным номинациям, выполняющим индикационную функцию. Данные языковые единицы с нулевой аксиологичностью служат для наименования, соотнесения объекта высказывания с прецедентной личностью, а также для встраивания монтеневского дискурса в систему общекультурного ренессансного универсума. Аналогично двухсловные аппозитивные номинации выполняют номинативную и просветительскую функцию, выражают энциклопедийную направленность «Опытов», задуманных автором как каталог собственных знаний, мнений и воспоминаний.

Повышенная аксиологичность проявляется начиная с уровня двухсловных атрибутивных номинаций, в которых отражены индивидуально-оценочные суждения в отношении прецедентных личностей. Выявлено абсолютное преобладание мелиоративных характеристик, что связано с позиционированием большинства персоналий как модельных личностей в соответствии с гуманистической картиной мира автора. Концепт ДРУГОЙ в структуре аксиологической системы автора представлен в абсолютной оппозиции VERTU / VICE, основанной на следующих ядерных ценностных элементах: величие / посредственность, мудрость / невежество, умеренность / наслаждение, смелость / вялость.

Перспективы предпринятого подхода видятся в развитии модели аксиологической системы субъекта рефлексивного дискурса за счёт расширения понятийной стороны концепта ДРУГОЙ. В частности, актуальным представляется включение в эмпирическую базу исследования языковых средств репрезентации лица коллективного для анализа особенностей аксиологической репрезентации Человека не с позиции прецедентной личности, но с позиции индивида как представителя Иного лингвокультурного пространства.

Библиографический список

- Бредихин, 2014 – Бредихин С. Н. Нозматическая иерархия философского текста в аспекте смыслопорождения и интерпретации. Ставрополь : Ин-т дружбы народов Кавказа, 2014. 392 с.
- Бузальская, 2015 – Бузальская Е. В. Функции концепта в современном эссе // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 9. Вып. 2. С. 76–84.
- Бузальская, 2016 – Бузальская Е. В. Типология моделей речевого жанра русскоязычного эссе: специфика на фоне тенденций развития жанра эссе в мировой культуре // Научный диалог. 2016. № 10 (58). С. 21–33.
- Викулова и др., 2020 – Лексемы identite / идентичность как элементы универсумов человека и языка: этносемиотрический и аксиологический аспекты интерпретации / Л. Г. Викулова, Е. Ф. Серебренникова, О. В. Вострикова, С. А. Герасимова // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2020. № 2 (831). С. 30–42.
- Дмитровский, 2013 – Дмитровский А. Л. Жанр эссе: к проблеме теории // Челябинский гуманитарий. 2013. № 3 (24). С. 37–51.
- Дубнякова, Кашина, 2017 – Дубнякова О. А., Кашина Т. А. Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1 (25). С. 42–49.
- Ефимова, 2017 – Ефимова С. В. Изучение философских жанров как путь к принятию философского знания // Современная наука: проблемы и перспективы развития / под ред. А. Э. Еремеева. Омск : Изд-во ОмГА, 2017. С. 10–16.
- Канафьева, 2020 – Канафьева А. В. Структурно-семантическая организация риторических высказываний в речевом акте субъективного размышления // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации. М. : Диона, 2020. С. 137–143.
- Лефевр, 2003 – Лефевр В. А. Рефлексия. М. : Когито-Центр, 2003. 496 с.

- Морозкина и др., 2019 – Рефлексия в обучении иностранным языкам с учётом межкультурного подхода / Т. В. Морозкина, Э. Н. Маллямова, Я. Русинякова, Э. В. Сулова // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 2 (33). С. 109–117.
- Морозкина, 2014 – Морозкина Т. В. От понимания текста к интерпретации в рефлексивно-дискурсивном измерении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-2 (38). С. 96–99.
- Морозкина, Врыганова, 2017 – Морозкина Т. В., Врыганова К. А. К вопросу о рефлексии в межкультурной коммуникации // Право и образование. 2017. № 9. С. 86–91.
- Моруа, 1983 – Моруа А. От Монтеня до Арагона. М. : Радуга, 1983. 677 с.
- Сулейманова и др., 2020 – Сулейманова О. А., Фомина М. А., Тивьяева И. В. Принципы и методы лингвистических исследований. М. : Языки Народов Мира, 2020. 352 с.
- Afanasjeva et al., 2020 – Afanasjeva O. V., Baranova K. M., Chupryna O. G. Precedent Phenomena As Symbols Of Cultural Identity In YA Fiction // European Proc. of Social and Behavioural Sciences : Conference proceedings. Vol. 95. London : European Publisher, 2020. P. 1098–1106. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.11.03.116>
- Alejandro, 2021 – Alejandro A. Reflexive discourse analysis: A methodology for the practice of reflexivity // European Journal of International Relations. 2021. Vol. 27, Iss. 1. P. 150–174. <https://doi.org/10.1177/1354066120969789>
- Brent, 2007 – Brent J. S. Making Words Matter: The Asian Tsunami, Darfur, and ‘Reflexive Discourse’ in International Politics // International Studies Quarterly. 2007. Vol. 51, Iss. 4. P. 901–925.
- CNRTL – Centre National des Recherches Textuelles et Lexicales. URL : <https://www.cnrtl.fr/definition/philosophique> (дата обращения : 01.11.2023).
- Collin, Karsenti, 2011 – Collin S., Karsenti Th. Construction de La Pratique Réflexive Dans l’Interaction En Ligne Des Enseignants-Stagiaires // Canadian Journal of Education. 2011. N 4. P. 34–58.
- Desan, 2017 – Desan Ph. La Boétie and Montaigne: Discourse on Servitude and Essay of Allegiance // Montaigne: A Life / ed. by Ph. Desan et al. Oxford-Princeton : Princeton University Press, 2017, P. 112–154.
- Ferruci, DeRosa, 2019 – Ferruci S., DeRosa S. Multimodality, transfer, and rhetorical awareness: Analyzing the Choices of Undergraduate Writers // Bridging the Multimodal Gap: From Theory to Practice / ed. by S. Khadka, J. C. Lee. Colorado : University Press of Colorado, 2019. P. 201–222.
- Filho, 2002 – Filho C. M. A. Montaigne e Sócrates: Cepticismo, Conhecimento e Virtude // Revista Portuguesa De Filosofia. 2002. Vol. 58, N 4. P. 829–845.
- Franke, 2015 – Franke W. Introduction: Involved Knowing: On the Poetic Epistemology of the Humanities // The Revelation of Imagination: From Homer and the Bible through Virgil and Augustine to Dante. Evanston : Northwestern University Press, 2015. P. 3–28. <https://doi.org/10.2307/j.ctv43vtjk.4>
- Gagnebin, 2009 – Gagnebin Ch. La figure de Socrate dans les ‘Essais’ de Montaigne // Revue De Théologie Et De Philosophie. 2009. Vol. 141, N 3. P. 237–242.
- Green, Wood, 2020 – Green K., Wood M. Therapy and the Essay: Montaigne, after Seneca // Rethinking Therapeutic Reading: Lessons from Seneca, Montaigne, Wordsworth, and George Eliot. London : Anthem Press, 2020, P. 27–40.
- Herdman, 2016 – Herdman E. Montaigne and Juvenal: Intertextual Recognition and the Readership of the Essais // Montaigne in Transit: Essays in Honour of Ian Maclean / ed. by N. Kenny et al. Cambridge : FST-Festschrift ed., Modern Humanities Research Association, 2016. P. 135–154.
- Kong, 2010 – Kong K. The Foedus Amicitiae of Etienne De La Boétie and Michel De Montaigne // Lettering the Self in Medieval and Early Modern France. Woodbridge-Rochester : New Edition ed., Boydell & Brewer, 2010, P. 191–233.
- Le Dictionnaire – Le Dictionnaire des Essais de Montaigne / ed. by B. Boudou. Paris : LEO SCHEER, 2011. 720 p.
- Lefèvre, 2012 – Lefèvre D. Montaigne et La Boétie: Deux images de l’amitié // Imaginaire et Inconscient. 2006. N 20. P. 15–21.
- MacPhail, 2021 – MacPhail E. Montaigne in the Mirror of Cicero // The Ciceronian Tradition in Political Theory / ed. by D. J. Kapust, G. Remer. Madison : University of Wisconsin Press, 2021, P. 103–119.
- MONLOE – MONtaigne à L’Œuvre. Programme ANR CORPUS 2012 (ANR-12-CORP-0003-01). URL : <https://montaigne.univ-tours.fr/> (дата обращения : 01.11.2023).

- Panichi, 2012 – Panichi N. Morte «muette» e morte «parlante». Montaigne e la Boétie // Rivista Di Storia Della Filosofia (1984-). 2012. Vol. 67, N 1. P. 35–57.
- Publiotionnaire – Publiotionnaire. Dictionnaire encyclopédique et critique des publics / ed. by M. Lacheney, E. Auerbach. URL : <http://publiotionnaire.humanum.fr/notice/auerbach-erich/> (дата обращения : 27.10.2023).
- Savarese, 2019 – Savarese J. Cognitive Scaffolding, Aids to Reflection // Distributed Cognition in Enlightenment and Romantic Culture / ed. by M. Anderson, G. Rousseau, M. Wheeler. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2019. P. 139–155.
- Tivyaeva, 2022 – Tivyaeva I. Online mode of autobiographical reminiscing: Discourse practices in digital society // Komunikacija i Kultura Online. 2022. Vol. 13, Iss. 13. P. 180–194. <https://doi.org/10.18485/kkonline.2022.13.13.11>
- Voltaire, 1879 – Voltaire. Œuvres complètes : T. 22. Paris : Garnier Frères, 1879. 336 p.

References

- Bredikhin, S. N. (2014). *Noematic hierarchy of the philosophic text within the aspects of sensederivation and interpretation*. Stavropol : Institute of Friendship of the People of Caucasus Press. (In Russ.).
- Buzalskaya, E. V. (2015). Funktsii kontsepta v sovremennom esse [Functions of the concept in modern essay]. *Vestnik SPbGU. Ser. 9. [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism]*, 2, 76–84. (In Russ.).
- Buzalskaya, E. V. (2016). Tipologiya modeley rechevogo zhanra russkoyazychnogo esse: spetsifika na fone tendentsiy razvitiya zhanra esse v mirovoy kul'ture [Typology of models of speech genre of Russian language essay: Specifics on background of trends in development of essay genre in world culture]. *Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue]*, 10 (58), 21–33. (In Russ.).
- Vikulova, L. G., Serebrennikova, E. F., Vostrikova, O. V., & Gerasimova, S. A. (2020). Leksemy identite / identichnost' kak elementy universumov cheloveka i yazyka: etnosemiometricheskii i aksiologicheskii aspekty interpretatsii [Lexemes identite / identity as elements of the human and language universes: ethnosemiometric and axiological aspects of interpretation]. *Vestnik Moskovskogo gos. lingv. un-ta. Gumanitarnye Nauki [MSLU Bulletin. The Humanities]*, 2 (831), 30–42. (In Russ.).
- Dmitrovskiy, A. L. (2013). Zhanr esse: k probleme teorii [Genre of essay: On the problem of theory]. *Chelyabinskiiy humanitariy [Chelyabinsk Humanitarian]*, 3 (24), 37–51. (In Russ.).
- Dubnyakova, O. A., & Kashina, T. A. (2017). Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti lichnogo dnevnika [Communicative and pragmatic particularities of personal diary]. *Vestnik MGPU. Ser. : Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie [Vestnik of Moscow City University. Philology. Linguistics. Language education]*, 1 (25), 42–49. (In Russ.).
- Efimova, S. V. (2017). Izuchenie filosofskikh zhanrov kak put' k prinyatiyu filosofskogo znaniya [The study of philosophical genres as a way to acceptance of philosophical knowledge]. In A. E. Eremeeva (Ed.), *Sovremennaya nauka: problemy i perspektivy razvitiya [Modern science: Problems and prospects for development]*. Omsk : Omsk Academy for Humanities Press. (In Russ.).
- Kanafeva, A. V. (2020). Strukturno-semanticheskaya organizatsiya ritoricheskikh vyskazyvaniy v rechevom akte sub"ektivnogo razmyshleniya [Structural and semantic organization of rhetorical statements in the speech act of subjective reflection]. *Russkiy Yazyk v Slavyanskoy Mezhekul'turnoy Kommunikatsii [Russian language in Slavic intercultural communication]* (pp. 137–143). Moscow : Diona Press. (In Russ.).
- Lefevr, V. A. (2003). Refleksiya [Reflexion]. Moscow : Kogito-Centr Press. (In Russ.).
- Morozkina, T. V., Mallyamova, E. N., Rusiňáková, J., & Suslova, E. V. (2019). Refleksiya v obuchenii inostrannym yazykam s uchetom mezhekul'turnogo podkhoda [Reflection in foreign language teaching within intercultural approach]. *Teoriya yazyka i mezhekul'turnaya kommunikatsiya [Theory of Language and Intercultural Communication]*, 2 (33), 109–117.
- Morozkina, T. V. (2014). Ot ponimaniya teksta k interpretatsii v refleksivno-diskursivnom izmerenii [From text understanding to interpretation in reflexive-discursive dimension]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 8-2 (38), 96–99. (In Russ.).
- Morozkina, T. V., & Vryganova, K. A. (2017). K voprosu o refleksii v mezhekul'turnoy kommunikatsii [To the question of reflection in intercultural communication]. *Pravo i obrazovanie [Law and Education]*, 9, 86–91. (In Russ.).

- Maurois, A. (1983). *Ot Monteny do Aragona [From Montaigne to Aragon]*. Moscow : Raduga Press. (In Russ.).
- Suleymanova, O. A., Fomina, M. A., & Tivyaeva, I. V. (2020). *Printsipy i metody lingvisticheskikh issledovaniy [Principles and methods of linguistic research]*. Moscow : Yazyki Narodov Mira Press. (In Russ.).
- Afanasjeva, O. V., Baranova, K. M., & Chupryna, O. G. (2020). Precedent phenomena as symbols of cultural identity in YA fiction. *European Proc. of Social and Behavioural Sciences : Conference proc.* (Vol. 95, pp. 1098–1106). London : European Publisher. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.11.03.116>
- Alejandro, A. (2021). Reflexive discourse analysis: A methodology for the practice of reflexivity. *European Journal of International Relations*, 27 (1), 150–174. <https://doi.org/10.1177/1354066120969789>
- Brent, J. S. (2007). Making Words Matter: The Asian tsunami, darfur, and ‘reflexive discourse’ in international politics. *International Studies Quarterly*, 51 (4), 901–925.
- CNRTL. (n. d.). Centre National des Recherches Textuelles et Lexicales. <https://www.cnrtl.fr/definition/philosophique>
- Collin, S., & Karsenti, Th. (2011). Construction de La Pratique Réflexive Dans l’Interaction En Ligne Des Enseignants-Stagiaires. *Canadian Journal of Education*, 4, 34–58.
- Desan, Ph. (2017). La Boétie and Montaigne: Discourse on Servitude and Essay of Allegiance. In Ph. Desan et al. (Eds), *Montaigne: A Life* (pp. 112–154). Oxford-Princeton : Princeton University Press.
- Ferruci, S., & DeRosa, S. (2019). Multimodality, transfer, and rhetorical awareness: Analyzing the choices of undergraduate writers. In S. Khadka, & J. C. Lee (Eds), *Bridging the multimodal gap: from theory to practice* (pp. 201–222). Colorado : University Press of Colorado.
- Filho, C. M. A. (2002). Montaigne e Sócrates: Cepticismo, Conhecimento e Virtude. *Revista Portuguesa De Filosofia*, 58 (4), 829–845.
- Franke, W. (2015). Introduction: Involved knowing: On the poetic epistemology of the Humanities. *The revelation of imagination: From Homer and the Bible through Virgil and Augustine to Dante* (pp. 3–28). Evanston : Northwestern University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv43vtjk.4>
- Gagnebin, Ch. (2009). La figure de Socrate dans les ‘Essais’ de Montaigne. *Revue De Théologie Et De Philosophie*, 141 (3), 237–242.
- Green, K., & Wood, M. (2020). Therapy and the Essay: Montaigne, after Seneca. *Rethinking Therapeutic Reading: Lessons from Seneca, Montaigne, Wordsworth, and George Eliot* (pp. 27–40). London : Anthem Press.
- Herdman, E. (2016). Montaigne and Juvenal: Intertextual Recognition and the Readership of the Essais. In N. Kenny et al. (Eds), *Montaigne in Transit: Essays in Honour of Ian Maclean* (pp. 135–154). Cambridge : FST-Festschrift ed., Modern Humanities Research Association.
- Kong, K. (2010). The Foedus Amicitiae of Etienne De La Boétie and Michel De Montaigne. *Lettering the Self in Medieval and Early Modern France* (pp. 191–233). Woodbridge-Rochester : New edition ed., Boydell & Brewer.
- Boudou, B. (Ed.). (2011). *Le Dictionnaire des Essais de Montaigne*. Paris : LEO SCHEER.
- Lefèvre, D. (2007). Montaigne et La Boétie: Deux images de l’amitié. *Imaginaire et Inconscient*, 20, 15–21.
- MacPhail, E. (2021). Montaigne in the Mirror of Cicero. In D. J. Kapust, & G. Remer (Eds), *The Ciceronian Tradition in Political Theory* (pp. 103–119). Madison : University of Wisconsin Press.
- MONLOE. (n. d.). MONtaigne à L’Œuvre. Programme ANR CORPUS 2012 (ANR-12-CORP-0003-01). <https://montaigne.univ-tours.fr/>
- Panichi, N. (2012). Morte «muetta» e morte «parlante». *Montaigne e la Boétie. Rivista Di Storia Della Filosofia (1984-)*, 67 (1), 35–57.
- Lacheny, M., & Auerbach, E. (n. d.). *Publicationnaire. Dictionnaire encyclopédique et critique des publics*. <http://publicationnaire.humanum.fr/notice/auerbach-erich/>
- Savarese, J. (2019). Cognitive scaffolding, aids to reflection. In M. Anderson, G. Rousseau, & M. Wheeler (Eds), *Distributed Cognition in Enlightenment and Romantic Culture* (pp. 139–155). Edinburgh : Edinburgh University Press.
- Tivyaeva, I. (2022). Online mode of autobiographical reminiscing: discourse practices in digital society. *Komunikacija i Kultura Online*, 13 (13), 180–194. <https://doi.org/10.18485/kkonline.2022.13.13.11>
- Voltaire. (1879). *Œuvres complètes*: T. 22. Paris : Garnier Frères.